

15.04.95. 1995 г.

+

Е. Т. ГАЙДАРУ

Уважаемый Егор Тимурович!

Направляю Вам стенограмму Вашего выступления на заседании политической дискуссии "10 лет для разных поколений", состоявшейся 15 апреля с.г.

В настоящее время идет подготовка издания материалов дискуссии, поэтому прошу Вас ознакомиться с текстом стенограммы и, если это необходимо, внести в него соответствующие поправки.

Для своевременного издания брошюры, отредактированный текст необходимо направить до 15 мая 1995 года в штаб-квартиру Российского Движения Демократических Реформ по адресу: Никитский пер. (б. ул.Белинского) д.4, телефоны для справок 203-94-04, 203-97-47.

Гавриил Попов

Егор Тимурович Гайдар - председатель фракции "Выбор России" в Государственной Думе РФ, председатель партии "Демократический Выбор России", директор Института экономических проблем переходного периода.

Уважаемые коллеги,
все сидящие в этом зале получили марксистское образование. Не вижу смысла отказываться в анализе перестройки от того, что было сильной стороной марксизма, а именно, естественно-исторического подхода к изучению социальных процессов. Ведь доминирует в них не цепь заговоров или подвигов великих или ужасных политиков, а мощные социально-экономические тенденции, которые надо анализировать, чтобы понять суть событий, в том числе, происходивших с нами на протяжении последнего десятилетия.

Сейчас нам достаточно хорошо, намного яснее, чем в начале века, видна роль социализма в экономическом развитии. Социализм - это система, ориентированная на максимальное ограничение роли рынка и частной собственности, на бестоварное хозяйство, в микроэкономике которого вплетена власть. Конкретные транзакции идут при социализме не на основе экономического интереса, а на основе власти. Фонды, лимиты, планы, директивы - все это неотъемлемая составная часть экономической жизни на микроуровне.

Ясно теперь и то, какие задачи эта система вполне прилично решает с точки зрения экономики. Она оказалась способной, правда, при огромных социальных издержках, решить задачу форсированной индустриализации в догоняющих странах за счет массивированного изъятия ресурсов из аграрного сектора. Эта задача повсеместно, где социалистическая система укоренилась, была решена быстро и обеспечила высокие темпы экономического роста на некоторое время. Точно также ясно сегодня и то, какие задачи социалистическая система решить оказывается фатально неспособной. Нигде не было обеспечено устойчивого индустриального развития, гибкой структурной перестройки.

Эти закономерности приводят, как к росту популярности, привлекательности социалистического пути на первом этапе, так и к постепенной утрате динамизма потом. Не случайно поэтому огромный разрыв в уровнях экономического развития неизбежно накапливается в так называемых разделенных странах: Финляндия и Россия, Восточная и Западная Германия, Южная и Северная Корея.

Именно наиболее сильные стороны социализма, которые проявляются на этапе индустриализации, потом обратной стороной бьют по экономике на этапе индустриального развития, накапливая структурные диспропорции. Когда оказываются исчерпанными

возможности перераспределения ресурсов из аграрного сектора, начинается кризис традиционного социализма.

Страны, в которых коммунистические элиты оказались способными понять эту закономерность и начать в такой момент процесс мягкого выхода из традиционного социализма, процесс использования частнособственнических и рыночных механизмов в рамках структур социалистических - эти страны получили возможность выхода из социализма без серьезных экономических катаклизмов, без резкого падения объемов производства.

Я имею в виду Китай, Вьетнам - страны, где началось бурное развитие частнособственнических секторов в то время, как большая часть занятых по-прежнему была в деревне. В этих условиях можно было строить частнособственнический сектор не вместо архаичного неэффективного государственного, а рядом с ним, постепенно перераспределяя бремя финансирования роста с традиционного государственного - на частное.

Для России этот момент в развитии структуры экономики приходится на ~~самое начало~~ 50-е годов, ~~красу~~ после смерти Сталина. В тот период советская элита могла, видимо, попытаться мягко перевести развитие на путь, который потом, через десятилетия, получил название "китайского". К сожалению, эта возможность была упущена в ходе дискуссий и политической борьбы 50-х - начала 60-х годов.

К тому времени, когда в Советском Союзе начались разговоры о перестройке (я даже в данном случае не разделяю Андропова и Горбачева), эта возможность была уже упущена. Ресурсы сельского хозяйства были в полной мере мобилизованы. Мы давно прочно сели на зерновой импорт, сельское хозяйство стало потребителем крупных дотационных ресурсов, кризис его стал хроническим, поэтому идея перераспределения чего бы то ни было из сельского хозяйства была просто за гранью обсуждения.

Впрочем, у нас была другая возможность - постепенно перевести развитие на тот путь, который условно можно назвать "венгерским": создать и начать внедрять рыночные частнособственнические институты в рамках продолжающих работать инструментов микроэкономического регулирования, основанного на власти. При этом у нас по-прежнему работали бы фонды, лимиты, наряды, госснаб. Приказы выполнялись бы, а финансовая стабильность не была бы нарушена. (Кстати говоря, важнейшая несущая конструкция устойчивого социализма - это как раз финансовая стабильность). Но параллельно, рядом со всем этим мы могли формировать систему рынка, либерализовать цены на некоторые товары, начать готовить рыночное законодательство. Это обеспечило бы базу для более мягкого выхода из социализма, без катастрофических последствий.

Таков, на мой взгляд, стержень экономической борьбы, экономической дискуссии периода перестройки: удастся ли перевести развитие страны на "венгерский" путь развития?

Этот путь тоже нельзя назвать безболезненным. Уже сформировалась структура производства. Часть отраслей крайне неэффективна. Пришлось бы сокращать, скажем, сельхозмашиностроение, я уже не говорю о ВПК, об огромных диспропорциях в металлургии. В некотором смысле, любой шаг к рынку - это всегда начало некоего структурного кризиса. Но не обязательно в таких масштабах и такой интенсивности, как кризис, с которым мы столкнулись сегодня.

Страны, начавшие выходить из социализма вовремя, как Китай и Вьетнам, показали, что это можно сделать, при правильной стратегии, без падения объемов производства. Те же страны, где своевременно были сформированы соответствующие системы институтов, продемонстрировали, что падение производства при переходе к рынку может быть, по крайней мере, не катастрофичным.

Так, Венгрия - страна с минимальным падением производства в Восточной Европе при переходе к социализму, хотя и там оно было.

1985 Беда в том, я не буду подробно на этом останавливаться, что в 1991-1995 годах в Советском Союзе построить необходимые рыночные механизмы не удалось. Вместо этого были быстро разрушены базовые несущие конструкции традиционной социалистической системы.

Одна из главных таких конструкций, как я уже говорил, - финансовая стабильность. Если 1985 год был еще годом относительной финансовой стабильности, то 1990-1991 годы - это уже момент экстремального финансового кризиса.

С потерей контроля над макроэкономической стабильностью, был утрачен и контроль над инструментами, позволяющими управлять подавленной инфляцией. Поскольку вся система социалистических инструментов экономического регулирования базируется на управлении в условиях подавленной инфляции, то неизбежно стали нарастать экономические проблемы, подрывающие политическую стабильность, доверие к власти. Отсюда - закономерное крушение этой власти, в конце концов произошедшее после 19 августа 1991 года.

Теперь представим себе ситуацию, сложившуюся сразу после этого. Была система микроэкономического регулирования, основанная на эффективной власти, иерархия которой связывала начальников на Чукотке и Камчатке, в Магадане и Таллине. Была жесткая система санкций для того, чтобы это работало. С 21 августа 1991 года все это рушится: нет больше страха перед КГБ, нет страха перед компартией. Первая неделя после путча была отмечена весьма характерным моментом, мало кому известным - произошло падение

в срав-
нении
среди
каждого
и

меньше

объема поставок зерна по госзаказу в 4 раза. Страха уже нет, а деньги еще не нужны. Вот здесь, собственно, мы и вступили в совершенно новую экономическую ситуацию.

Возник коллапс всей системы макроэкономического регулирования, угрожающий нормальному процессу жизнеобеспечения ведущих городов. Отсутствовало даже элементарное снабжение продовольствием.

Сегодня мы уже располагаем фактурой, цифрами по двум с половиной десяткам экономик, которым пришлось столкнуться со сходной ситуацией. Развал системы политической власти в России совпал, по вполне понятным причинам, с крахом социализма в Восточной Европе. Анализ этих фактов и цифр однозначно выявляет наличие строгих закономерностей в процессе трансформации постсоциалистических экономик.

Выясняется, что везде, где правящая элита оказалась не способной обеспечить плавное вхождение в рынок, падение производства на протяжении первых трех лет составляет величины не меньше 20-25%. Везде резко сокращаются так называемые реальные доходы населения, хотя, разумеется, в условиях подавленной инфляции учет реальных доходов всегда крайне затруднителен. Повсеместно возникают дополнительные проблемы, связанные с резким ростом социального расслоения.

Однако есть и различия. Там, где после развала старой системы начали быстро, энергично и последовательно формироваться рыночные институты, уже на второй год резко замедляется инфляция, а на третий год после начала реформ ^{так же} начинается экономический рост. Причем последовательность всегда именно такова: сначала замедляется инфляция, и только потом - начинается экономический рост. В таких странах, где реформы были наиболее решительными и последовательными, экономика сегодня растет темпами, превышающими среднеевропейские.

В других государствах, где предпринимались попытки, несмотря на фактический развал системы политической власти, сохранить как можно больше элементов привычной плановой системы управления, а рыночные преобразования проводились наиболее медленно и непоследовательно - в этих странах самые высокие показатели падения производства и инфляции, а экономические кризисы продолжают углубляться.

Подводя итог сказанному, хочу подчеркнуть, что сегодняшней экономический кризис, без всякого сомнения, серьезнейший и один из крупнейших в истории России. Он сопоставим только с кризисом периода гражданской войны.

По моему глубокому убеждению, этот кризис является платой:

а) за неспособность вовремя начать выходить из социализма и повернуть развитие российской экономики на так называемый "китайский" путь уже в 50-60-х годах;

б) за нежелание и неумение плавно перейти на "венгерский" путь развития и начать формирование рыночных институтов в 1985-1991 годах;

в) за отсутствие достаточно решительной и последовательной политической поддержки той реформаторской политики, которая оказалась единственно возможной в условиях, когда старая система управления в полной мере развалилась.

В одну реку два раза не войдешь. Не дано и нам вернуть сегодня социально-экономические реальности 1950-х годов. На нынешнем этапе экономического развития России, и стабилизация производства, и начало экономического роста, и решение любых социальных проблем жестко зависят от одного главного фактора - роста частных сбережений и частных инвестиций. Поэтому все, что способствует развитию частных сбережений и частных инвестиций - все отвечает интересам стабилизации экономики России и в значительной мере определяет перспективы экономического роста нашей страны.
Спасибо.